

18+

АННА АРТЕМЬЕВА

ТЕАТР
ПОДАРИЛ
МНЕ
тебя

18+

Анна Артемьева

Театр подарил мне тебя

<https://litres.ru/73528303>

SelfPub; 2026

Аннотация

Родион Ольшанский — артист театра мюзикла и оперетты, оказывается на грани краха после ухода жены. Случайная авария сводит его с Анитой, журналисткой и постоянной зрительницей театра, которая полна решимости подать на него в суд за нанесённые увечья. Теперь, когда девушка в больнице, её развод с мужем переносится на неопределённый срок. А ещё Аниту и Родиона связывает неприятная история из прошлого, из-за которой она давно точит на него зуб!

Артист начинает навещать девушку в больнице, и между ними постепенно возникают чувства. Похожие личные трагедии сближают их, позволяя увидеть друг в друге поддержку и понимание. Однако жизнь вносит свои коррективы: муж Аниты передумал разводиться, а жена Родиона готовит ему шокирующий сюрприз...

Смогут ли главные герои построить серьёзные отношения, или их связь окажется лишь мимолетным романом?

В книге вас ждёт:

атмосфера музыкального театра, милый летний вайб, сильная героиня, герой — грин флаг, тёплые детско-родительские отношения.

Содержание

Глава 1. Театр, пусть в мою жизнь вернётся счастье...	5
Глава 2. Неприятная история из прошлого	14
Глава 3. Светлова, к вам посетитель!	20
Глава 4. Я виноват, а может, мне просто одиноко...	29
Глава 5. Ещё фруктов?	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна Артемьева

Театр подарил мне тебя

Глава 1. Театр, пусть в мою жизнь вернётся счастье...

Все персонажи и события вымышлены, любые совпадения с реальными людьми — случайны.

Kate – моей подруге и первому читателю

Прошла неделя с того дня, как Маша меня бросила. Ушла по-английски, как в тех дурацких старых фильмах. Благо, записку оставила: написала, что благодарна мне за столько лет совместной жизни, но поняла, что мы не можем быть вместе. И заблокировала везде.

Что ж ты, Маша, не уточнила в своей записке, что сбежала с тем сраным режиссёром в сраный оперный театр на другой конец страны? Я об этом узнал от третьих лиц, а меня ты сразу же заблокировала! Лишила права обратной связи. Да, и спасибо за такой подарочек именно в конце сезона! Итак силы на исходе, ещё и ты со своим побегом.

Ярость сжигала заживо, перед глазами всё плыло. Я ре-

шил разнести кухню. Перевернул навзничь стол вместе со скатертью, вазой с цветами и фарфоровым чайником. Стол треснул, а вся посуда разбилась вдребезги. М-да, годы спортзала, борьбы и изматывающих репетиций даром не прошли. Затем я распинал стулья и кинул кастрюлю с овсянкой прямо в холодильник. Каша трагично растеклась по его дверце. Со столешницы смёл весь кухонный инвентарь, перевернул мусорное ведро и чуть ли не принялся за тарелки с кружками. Нет, всё, хватит, мне ещё тут жить...

Первый день после побега жены ничего не ел, меня тошнило. Пил воду из-под крана и холодное молоко. Потом нужно было идти в театр, репетировать вечерний спектакль и читать пьесу к новому. К тому времени там уже все про всё знали. Кто-то говорил, что Маша давно крутила шашни с этим режиссёром, кто-то – что она пошутила, а кто-то – что передумает и вернётся. Меня бросили как в дешёвой мелодраме. Это было и смешно, и тупо, и грустно... Я не знал, что меня ждало. Благо, сцена лечила: в тот день я играл один из самых любимых спектаклей у труппы и зрителя, «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков». Я дал своему герою новые эмоции, и вот уже спектакль заиграл другими красками. Коллеги и дирижёр хвалили, а я кивал как дурак. Занавес опущен – и снова здравствуйте, депрессивные мысли реального мира.

Я продолжил голодать. У меня появились синие круги под глазами и опали щёки. Затем подключил спорт. Много-мно-

го беспощадного спорта: часы пробежек по набережной, часы силовых в зале. Главное, не останавливаться. Не оставаться наедине со своими мыслями, иначе я труп. Так прошло несколько дней.

Новый образ жизни довёл меня до панической атаки. Я думал, это инфаркт. Вызвал скорую. Но фельдшер сообщил, что это просто паническая атака и вколол мне укол, посоветовав меньше переживать, ведь так можно угодить в клинику неврозов. Отлично, через месяц у меня как раз отпуск...

Потом я не спал всю ночь. Тупо пялился в потолок. Мысли приходили разные: верёвка с мылом, антидепрессанты, голодовка, алкоголь, проститутки... Боже, да я даже никогда не спал с проституткой. Да и вообще, как можно залатать такую дыру сексом? Или мастурбацией? Я даже не помню, когда последний раз делал и то, и другое...

К утру я вырубился. Думал о том, что со мной не так. Почему меня бросили? Где я просчитался?

Хвала небесам, пробуждение началось с приятных сообщений от милых московских поклонниц. Им по лет восемнадцать-двадцать, пишут, интересуются, когда я снова приеду в столицу играть Эдмона Дантеса в мюзикле «Граф Монте-Кристо». Ещё один спектакль, который я люблю всей душой. Кастинг был потный, на два города работать тяжело, но... это же Эдмон Дантес! Как можно не хотеть его сыграть? Считаю, это счастливый билет, я даже Золотую Маску за него получил.

Зритель – это всё. Ради него я встаю по утрам и работаю шесть дней в неделю. Без зрителя не было бы актёра.

Эти мысли подбодрили, когда я на ватных ногах начал собираться на работу. Сегодня «Пётр Первый». Угадайте, кто в главной роли? Да.

Я прошёл в ванную и вперился в неё кулаками. Меня всё ещё штормило. Вдох, выдох. Успокойся, Родион, всё образуется. Наверное.

Впервые за неделю нормально посмотрелся в зеркало. Мне скоро сорок, выгляжу я вроде ещё свежо. Тёмно-каштановые волосы сильно отросли, вроде, даже морщины уже есть. Глаза тёмные, плечи широкие – даже на Петра похож, и почти одного роста с ним.

Я потянулся и сделал классический разогрев резонаторов: зажал ноздрю, на другую стал стремительно нажимать пальцем и гудеть как паровоз. Поменял последовательность. Затем полностью зажал нос пальцами и сделал артикуляционные упражнения со звонкими согласными. А вот полноценно распеваться буду уже в театре.

Дальше принял душ. Сначала холодный, потом горячий. Вроде, ничего. Уныло оделся и вышел во двор. До театра – километра два, но после ночных приключений вообще ноги не несли, такси ждать не хотелось, и тогда я увидел его. То, что ненавидел, и обещал никогда на него не вставать. Самокат. Жёлтый.

А что, если... ну, вроде, новые эмоции у меня будут – это

даже интересно. В десять утра уже все на работе, улицы пустые, никого сбить не должен.

Я кое-как разобрался с приложением и встал на этот долбаный самокат. Встал и поехал, как будто всегда на нём катался. За несколько секунд научился регулировать скорость.

Десять минут езды – и вот уже издалека виднелся величественный фасад театра мюзикла и оперетты. Театр, который, несмотря на нестоличное происхождение, всегда был на виду, в гуще творческих перипетий и часто на верхней ступени пьедестала. За последние два десятка лет в нём было сыграно больше тридцати мировых премьер, театр привёз в наш город столько же высших театральных премий, вырастил новую генерацию артистов и зрителей, сохраняя главный закон творческой жизни – быть созвучным времени. И самое главное: я был частью этого невероятного, космического места, я здесь вырос, окреп и улетел в стратосферу своей актёрской карьеры.

Это было огромное квадратное здание в стиле модерн с длинными окнами, в которых днём плясал солнечный блик, а вечером – свет фонарей с аллеи напротив. Входная группа театра привлекала внимание роскошными дверями из тёмного дерева, и резьбой, напоминающей о том, что здесь живёт искусство. Вдоль стен были расклеены афиши, на большинстве которых – я. Вот оперетта «Принцесса цирка» со мной в главной роли, вот детский мюзикл «Мама», где мы с партнёршей в образе козы и волка, а вот я в роли Грея –

капитана корабля с алыми парусами. Ох, скоро я вновь проживу эти истории, которые заставят меня забыть о гнусной повседневности. Любовь к театру наполняла меня: каждый раз, когда я видел фасад, во мне разгорался огонь надежды на то, что искусство всегда будет живо и будет продолжать вдохновлять меня и зрителя.

Боже, театр, мы с тобой столько пережили, ты столько раз спасал меня, спаси и сейчас: подари мне надежду! Пусть в мою жизнь вернётся счастье, мне нельзя тонуть в негативе...

Я убавил скорость, хотел затормозить около театра, но тут кто-то в белом вышел со стороны входа, и я не него наехал. Тугой толчок. Он закричал, а я резко затормозил и соскочил с самоката.

Секунды две я не понимал, что происходит. Потом меня отрезвили собирающиеся вокруг люди. Они о чём-то галдели наперебой, но я не понимал, о чём. Смотрел перед собой, на этого кого-то в белом, и у меня падала челюсть. Я знал пострадавшего. Вернее, пострадавшую...

– Анита, – выдохнул я.

Юное создание в белом платье лежало на асфальте, выставив вперёд ногу в аккуратной туфельке, и орало бешеным матом на всю улицу. Кажется, у неё нога в крови, и она ударилась головой. Какая-то женщина рядом судорожно набирала номер скорой на андроиде, какие-то студенты пытались успокоить Аниту, а мне вдруг прилетело сумкой по голове:

– Тупые самокатчики! Когда же вы все передохните?! –

это женщина средних лет. Красная от ярости как рак.

– Да что вы... – я инстинктивно защитился, увернувшись от второго удара, и подбежал к пострадавшей. Боже, как я мог? Я же не такой конченный, на самом деле... – Ты как? Посмотри на меня!

– Да чтоб тебя, идиот засранный... – Анита подняла голову. Не знаю, сколько ей лет сейчас, но выглядит она молодой. Точно больше двадцати трёх. Или двадцати пяти?.. Блин, да что она здесь делает вообще? – Ольшанский? Ты меня сбил?..

– Я, – боже, я идиот такое говорить...

Взглядом она прожигала меня насквозь. И на секунду, во взгляде её зелёных глаз, пронеслась обида. Девушка не ожидала, что именно я собою её, смотрела на меня как на предателя. Чёрт, да она вообще не ожидала, что кто-то её сошьёт! Мне её очень жаль...

– Мне больно! Ты придурок! Я тебя ненавижу! – ревела она, бледнея на глазах. Пот градом катился с её лба. И тут она прикрыла рот ладошкой, отвернулась и... её вырвало. От боли что ли? Конечно, да, у неё, наверное, сотрясение – может, из-за меня она будет долгие месяцы восстанавливаться. Я попал перед законом, попал на деньги и на совесть. И теперь точно попаду в клинику неврозов...

– Разойдитесь! – фельдшеры скорой растолкали всех сочувствующих, положили Аниту на носилки и потащили в машину. Я как ведомый пошёл за ними.

– Муж? – остановил меня фельдшер.

– Я...

– Да какой он муж? Кому он нужен? – простонала Анита.

– Тогда не лезь, – фельдшер закрыл дверь машины перед носом. И мне осталось только лицезреть удаляющийся белый фургон.

М-да, это меня и отрезвило, и почти свело с ума, и напомнило о том, что я кретин. Поэтому Маша меня и бросила.

– Только попробуй уйти отсюда, придурок, – в меня вцепилась та самая женщина, которая была сумкой. – Жди ГАИ.

– Никуда я не уйду, я же не идиот, – я вырвался, прошёл мимо десятка осуждающих глаз и сел на асфальт. Вечером у меня спектакль, и отменить его невозможно. Мой партнёр в другом городе, а больше партнёров на этот спектакль у меня нет. Да и если я попаду на него, то не знаю, как буду играть Петра. Боюсь вообще, ноги меня на сцену не понесут после всех перенесённых событий...

– Эй, что тут происходит? Пропустите! Родион? – сквозь толпу прорывалась Лиза. Это моя партнёрша, играет Евдокию Лопухину в «Петре Первом», но сегодня не её очередь. Тогда что она здесь делает?

Лиза – маленькая стройная блондинка с длинными кудрями и большими серо-зелёными глазами. Добрая и отзывчивая.

– Родион! – она села ко мне вплотную и потрясла за плечо. – Что с тобой? Тебя сбил этот гадский самокат?

– Нет, это я сбил кое-кого на гадском самокате, – угрюмо ответил я.

– Да кого же ты сбил? – Лиза оглянулась.

– Девушку. Подожди, а ты что тут сегодня? У тебя же нет спектакля.

– Я должна была встретиться с подругой, ты её знаешь, наверное – постоянно ходит к нам в театр. Анита.

У меня глаза на лоб полезли от таких совпадений.

– Так я её и сбил!

Лиза не успела ничего ответить. Приехала ГАИ, и мы отправились в отделение. Там меня оформили, на ходу предупредив о том, что пострадавшая может подать на меня заявление в полицию и запросить компенсацию через суд. И будет права! Отлично, отдам девочке все свои накопления, а ещё сдам обручальное кольцо в ломбард и сноуборды, на которых мы с Машей катались...

Я предупредил худрука и главного дирижёра, чтоб начинали без меня. Надеюсь, успею хотя бы на спевку к пяти...

И всё же я идиот.

Глава 2. Неприятная история из прошлого

Я никогда не получала серьёзных травм. Не ломала кости, не растягивала связки, не разбивала лицо в кровь. Этакое тепличное растение. Повезло ли мне? Да. По крайней мере, везло. До сегодняшнего утра.

Вообще всё началось с развода. Да, Мирослав предложил развестись. Я приняла это достойно, всё к этому и шло. Мы давно уже не обсуждали совместные проблемы, не интересовались мыслями друг друга, не ходили на свидания, не занимались сексом. Каждый жил своей жизнью. И вот, мы уже были не любящей парой, а соседями. Так бывает. И я даже не знаю, у кого чувства стали остывать первее – у меня или у Мира. Но одно мы решили точно: Сева останется со мной. Наш сын, наш мальчик, наше светлое солнышко. Даже не верится, что ему уже три!..

Так вот, в то утро мы договорились встретиться с Лизой. Лиза – артистка музыкального театра, моя подруга. Творческая личность, у которой по минимуму заскоков и по максимуму интересных историй. Хотела рассказать ей про развод – через несколько дней мы должны были с мужем встретиться в суде, но всему помешала авария.

Тут-то моё везение на травмы закончилось. Меня сбили

на самокате. Боль была настолько внезапной и оглушающей, что мне даже показалось, что я во сне. Но нет: ушиб мягких тканей бедра и сотрясения головного мозга. Ушиб – от наезда самоката, сотрясение – ударилась об асфальт при падении. Пять суток стационара, не меньше. Класс, спасибо Родиону Ольшанскому...

Кстати, с ним мы были знакомы давно. Примерно с того момента, как я стала постоянной зрительницей театра, в котором он работает. Девять лет назад я пришла в театр мюзикла и оперетты и начала влюбляться во все спектакли, которые смотрела. Родиона я никогда не выделяла: ну, играет и поёт красивый мужик – и что с того? Я воспринимала театр как единое целое со всеми артистами, музыкантами и прочими сотрудниками. А познакомилась я с Родионом только через Машу Ольшанскую, его жену, у которой я брала интервью как студентка-второкурсница журфака. Я восхищалась ею, она была похожа на модель – Алессандру Амбросио или Изабель Гулар. Держала она себя очень по-царски и пела соответственно. Но вот её игра оставляла желать лучшего. На это я и намекнула в своей статье...

В тот вечер, девять лет назад, мы встретились с Машей в кафе, где она рассказала о своём творчестве. А Родион зашёл за ней, как мы закончили. Высокий, уверенный в себе, волосы в хвосте – он даже не взглянул на меня, а подхватил свою жену и страстно поцеловал.

– Здравствуйте, – сдержанно произнёс он, заметив меня.

– Здравствуйте, – сухо ответила я. – Мария Евгеньевна, статья будет готова через неделю!

Вот с этого момента и начался бардак. Статья вышла в местной газете о культурной жизни города и Ольшанской она не понравилась. Но разве снимут с продажи весь тираж из-за недовольства одного человека? Тем более, в статье я не писала прямым текстом о недостатках Ольшанской. Но она на этом не остановилась: затравила меня в своих соцсетях и личной переписке. Это я сейчас понимаю, что могла бы написать на неё заявление за такого рода оскорбления, но тогда я, маленькая несмышлёная девочка, затаила обиду и чуть не бросила журналистику из-за неадекватной артистки.

А Родион дал о себе знать чуть позже... Тогда я думала, он вставит свои пять копеек в защиту жены, но он... подкатил ко мне. Грязно и мерзко, как мне показалось. Смешал меня с дерьмом. Я сначала не поверила глазам, но потом быстренько послала его. Подкатывать? Ко мне? А ты не видишь, на сколько лет я тебя моложе?

Так мы больше никогда и не общались. Но этих двоих – Родиона и его Машу я помню до сих пор. Забудешь тут такое...

Поэтому, когда Родион сбил меня, я была в шоке. И вывалила на него всё, что думаю. Что ж, ему теперь реально несдобровать, я буду идти до конца – напишу заявление в полицию и подам в суд. У него будут поджилки дрожать.

Тем временем, меня отвезли в травматологическое отде-

ление. Быстро оформили и положили в палату, где лежали молчаливая старушка и полная женщина за сорок. Обе сложили конечности, работая в саду.

– Привет, Мир, – я позвонила бывшему. – Меня сбил самокат, придётсЯ Севе пожить у тебя.

– Как сбил? Как ты себя чувствуешь? – да, почти бывшему мужу не было всё равно на мать его ребёнка.

– Ушиб ноги – синяк размером с Европу, и лёгкое сотрясение. Буду лежать неделю. Сева в садике?

– Да, всё отлично! Тебе привезти что-нибудь?

– Забери у мамы вещи, список кину в вк, и купи какой-нибудь еды типа йогурты там, онигири, печенья. Я тебе переvedу.

– Не надо. Я всё куплю и привезу тебе. Поправляйся.

– Спасибо, ты лучший, – хотелось виртуально чмокнуть его, но я сдержалась.

В течение пяти минут быстро накидала список Миру и после этого настрочила Лизе сообщение. Она наверняка там ждёт.

«Лизок, я в травме. Сбил самокат. Ни за что не угадаешь, кто меня сбил!».

«Я в курсе, кто. Это Родион. Жаль тебя очень. Поправляйся!».

«А вы встретились что ли? Знаешь, я хочу его засудить. Только без обид».

«Без обид, конечно! Я бы вообще его избилa на твоём ме-

сте!».

Я хохотнула. Лиза с Родионом играют много спектаклей вместе. В основном, любовную пару. В моём любимом спектакле «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков» Лиза играет писательницу Джулиет, а Родион – фермера Доуси, к которому она уходит от жениха. Затем, в мюзикле «Пётр Первый» Лиза выходит в роли Евдокии Лопухиной, первой жены Петра, а Родион в роли самого Петра. И в одном из составов Лиза играет Ассоль, а Родион – её Грей. Так что, даже странно, что она его не выгораживает. Женская солидарность, что ли?

Мир быстро привёз вещи и продукты. А потом я с головой окунулась в тягучую больничную атмосферу, где время тянется вечность. Вечером я приняла какие-то таблетки, мне поставили укол, я немного расходила ногу. Вроде, шагать не так больно. Но голова кружилась. Посмотрю-ка я спектакль своего любимого театра в записи, должно стать легче.

В моей жизни не было хобби лучше, чем музыкальный театр. Он всегда меня исцелял, вознося с депрессивного дна к эйфории. Стать его постоянной зрительницей было одним из лучших решений в жизни. За девять лет я посмотрела все тридцать с чем-то спектаклей из репертуара, знала каждый от сих до сих. И даже сейчас, смотря запись, я заворожённо проговаривала любимые тексты песен вместе с артистами и верила, что череда неудач в моей жизни закончится. Театр поможет.

Но вот под ночь, когда запись подходила к концу, я получила неожиданное сообщение:

«Родион спрашивает, в какой больнице ты лежишь», – написала Лиза.

Я нахмурилась и сжала кулаки. Да пошёл он нахер! Но всё же ответила подруге:

«АХАХАХА, хочет приехать, уговорить не писать заявление?».

«Не знаю... Чувствует себя виноватым сильно».

«Тридцать первая больница, травма».

В конце концов, я легла спать и начала гонять ненужные мысли перед сном. Вспоминала аварию и лицо Родиона, которое было так близко. Я никогда так близко его не видела, только тогда, в кафе с Машей. Есть что-то в его лице притягательное. Может, поэтому у него столько фанатов?

Глава 3. Светлова, к вам посетитель!

– Родион, спевку ты уже пропустил, сейчас ноги в руки и в грим, потом в костюм и на сцену! – талдычила Нина – помреж, простушка среднего возраста в очках и гулькой на голове. – Как же тебя угораздило? Сначала Маша, а теперь это...

– Жена ушла от меня за один день, я сбил знакомую, хотя среди миллиона людей мог сбить любого другого, – пробурчал я. – Правда, такое только в кино бывает?

– Тебе явно пора пить транквилизаторы! – охнула Нина, ускоряя шаг и как бы показывая мне, что я тоже должен ускориться. – Не хватало нам ещё тебя терять! Ещё куча спектаклей до конца сезона, а в сентябре – премьера!

Я уже люто возненавидел этот день и мечтал, чтобы он быстрее кончился. На подготовку у меня меньше часа! Я успею только нанести грим и надеть костюм. Ни распевок, ни репетиций. Хорошо, что спектакль не новый и я знаю его хорошо, но вот настроиться на него не успею. Да, я всегда за два-три часа перед спектаклем не ел и не пил, за час до спектакля – молчал и ни с кем не разговаривал. Если я не настроюсь так, как надо мне, спектакль пройдёт ужасно. Но назад пути нет...

Действительно: «Пётр Первый» прошёл ужасно. Я перепутал слова на самой грандиозной сцене – Полтавской битве, чуть не подставил партнёршу в одной из любовных сцен, а в момент гибели Петра у меня заглох микрофон. Добавлял масла в огонь нудноватый зритель, который хлопал раз через раз. И вот, я допел финальную арию, нехотя вышел на поклон и чуть ли не упал на сцену от отчаяния, когда занавес опустился.

– Это полная дичь, Родион, я тебе сочувствую, – ко мне подошла Алёна, моя партнёрша, в короне и платье императрицы. Ну, конечно, сплетни по театру распространяются быстрее пушечного выстрела. – Если тебе нужен юрист...

– Я виноват, и отвечу по закону, – бросил я.

– И ты сильно не расстраивайся из-за спектакля... В следующий раз всё получится.

– Постараюсь.

Сегодня узнаю, в какую больницу попала эта Анита и завтра навещу. Надеюсь, она не убьёт меня. А теперь – домой, в эту пустую серую квартиру без Маши и толики света...

По дороге я купил немного продуктов. Не знаю, почему, но мне дико захотелось есть впервые за неделю. То ли голодовка сыграла свою роль, то ли новый виток стресса так проявлялся. Я купил много замороженной пиццы, пачку риса, целую курицу и немного овощей. На кассе взял огромную пачку вишнёвого мармелада.

Дома я принял душ, быстренько сварганил салат и разо-

грел пищу с сыром. Съел всё, на удивление. Заварил чай с облепихой и вперился в тёмное небо в окне. Сумерки изящно легли на тополиную аллею напротив. В воздухе ещё пахло яблонями, во дворе гуляли пары и громко разговаривали о любви и звёздах. Да, такие разговоры у меня теперь будут только в воспоминаниях...

У нас с Машей была однокомнатная квартира недалеко от театра. В новостройке, в самом центре. Окна выходили на симпатичную аллею, которая к вечеру заполнялась гурьбой спешащих с работы людей. Ремонт мы делали за свой счёт: заказали минималистичный дизайн кухни, купили светлую кровать с мягкой спинкой и поставили стол со стульями из вискозы. Получилось очень мило для пары без детей. Ох, дети... Это была вечная проблема: как будто никто из нас не был к ним готов. Ни я, ни Маша, которой тоже почти сорок. Все были заняты карьерой. А вот так остановишься, и понимаешь, что волком бежал от реальности, и создал иллюзию того, что театр – это вся твоя жизнь. А ведь это не вся жизнь. Есть много других сфер, и в них ни я, ни Маша не преуспели. Хотя может она уже преуспела, а я остался с разбитым корытом.

После чая я будто наполнился какой-то негой. Меня жутко потянуло в сон. Я хотел отпустить мысли и не думать о завтра. Да, моё тело слишком истощилось от стресса и требовало перезагрузки. Но я ещё кое-что не закончил...

«Лиза, ты же дружишь с Анитой. Спроси, в какой она

больнице лежит. Я её навещу», – написал я сообщение коллеге.

«Тридцать первая, травма», – через несколько минут ответила она.

Отлично, в обед я поеду туда. А что делать? Я же не конченный какой-то. Надо извиниться. Интересно, что можно ей купить? Цветы? Апельсины?

Я вдруг вспомнил сцену из «Ну, погоди!», где Заяц пришёл к Волку в больницу, который по его вине пострадал на стройке. И Волк кинул в него костыль.

Я вдруг тихо рассмеялся. Надо же, я могу смеяться. Давно этого не делал.

Но учитывая, как Анита сегодня отреагировала на меня... Я думал, она тихая, а она такая жёсткая. Но оно и понятно. Надеюсь, мне удастся это исправить.

Сегодня у меня не было спектакля. Мы читали пьесу к новой постановке – музыкальной комедии «Служебный роман», где мне досталась роль Самохвалова. Ярослава Леонидовна Громова приехала ставить. Она уже ставила нам мюзиклы «Собака на сене» и «Маленький принц», в обоих я участвую. В первом играю комичную роль, одного из ухажёров графини, во втором я – пилот, которому главный герой рассказывает свою историю. Помню, после первого прогона, спектакль пробил меня на слезу. Да он всё ещё один из любимых и у труппы, и у зрителя. Независимо от времени года

на него всегда аншлаги.

Пару раз я видел в зале Аниту. Её несложно узнать по длинным светлым волосам. И она каждый раз «поднимала» зал на поклонах. Заядлые театралы такое часто проделывают. Предположу, что она, как и многие, испытывала катарсис после просмотра. А потом она написала статью: такую можно было вырезать и поместить в альбом на память. Насколько я знаю, Анита работала журналисткой, а потом ушла в декрет. Даже брала интервью у Маши и кого-то ещё из наших.

Концепцией нашей версии «Служебного романа» стала тема одиночества и поиска себя. Ух ты, надо же, я думал, мы погрузимся в тему любви, рабочих интриг и бюрократии. Но, видимо, Громова решила иначе. Я ей доверяю, она толковая тётка, сделает шедевр. Правда, моего персонажа тема одиночества и поиска себя не касается – он будет сиять на фоне всех серых мышей.

Около двух Громова отпустила нас на обед. Все кучковались и обсуждали предстоящую премьеру. Меня позвали в столовку, но я соврал, что пообедаю один. Все понимающе кивнули – знают, что у меня личная драма и мне нужно побыть одному. Но обедать я один не буду, поеду к Аните. А на обед съем онигири по дороге.

Утром мне снова поставили укол и дали таблеток. На завтрак я взяла йогурт со злаками, который привёз мне Мир, но это было без надобности – в больнице вкусно накормили.

Удивительно, как всё изменилось в государственных учреждениях. Моё детство прошло в нулевых, и тогда в больницах давали заветренные сосиски и жалкое подобие омлета. Сегодня же тут кормят воздушной как облако запеканкой со сгущёнкой и овсяным печеньем. Мне тут, определённо, нравится!

После завтрака я смотрела фото и видео с Севой, которые вчера прислал Мир. В садике разучивали новый танец, и малыш его успешно демонстрировал на камеру. Мой зеленоглазый блондинчик, уже такой большой... А ощущение, что только вчера его выложили мне на живот, где он активно ёрзал и рефлекторно высовывал язык. Сегодня Сева говорит уже очень чётко, на завтрак он любит мягкие вафли с бананом и шоколадной пастой, а по вечерам плещется в ванной вместе с игрушечными роботами. Обожаю его! Мир в нём тоже души не чаёт.

До обеда я расхаживала ногу, делала массаж лица камнем гуаша и читала книгу – муж привёз мне «Грозовой перевал». Вроде, пока всё очень хорошо.

– Светлова, к вам посетитель, – к нам зашла дежурная медсестра. Я уже почти уснула.

– Какой? – удивилась я. – Я никого не жду.

– Какой-то мужчина.

– Мир?

– Понятия не имею. Идите и посмотрите. Только берегите ногу.

Я с ворчаниями поднялась с кровати и поковыляла в сторону коридора. Мир никогда не появлялся без предупреждения. Или это папа? Не знаю...

В коридоре, на стареньком кожаном диване, сидел Родион Ольшанский. Футболка плотно обтягивала его красивые широкие плечи. В руках мужчина держал девять розовых роз.

Ах, да, я и забыла, что он должен прийти! Сейчас будет весело...

Завидев меня, Родион встал и посмотрел во все глаза. И я вот не поняла, виноватый у него взгляд или испуганный. Вроде, актёр, а эмоцию показать правильно не может.

– Чё надо? – бесцеремонно спросила я.

– Я хотел ещё раз извиниться...

– Ты в курсе, что мне тут почти неделю лежать? Ты в курсе, что сейчас я долго не увижу сына? А сколько займёт восстановление – я хрен знает. После стационара мне нужно наблюдаться у невролога, стоять в этих грёбанных очередях в бесплатных поликлиниках. Я хотела на работу после декрета вернуться, подать документы в магистратуру, а теперь что я могу? Нихера я не могу! А ты будешь танцевать в этом своём театре, тискаться со своей истеричной женой и в ус не дуть о чужой беде! Я подам на тебя в суд и сдеру с тебя три шкуры, Ольшанский!

Да, я бываю очень злая. Я почти не даю поблажек тем, кто виновен – не хочу мазать сопли. Если человек виноват, он должен ответить по всей строгости.

Родион побледнел и поджал губы. Неохотно опустил цветы, как бы думая, что я теперь их не возьму. Никогда его не видела таким. Всегда уверенный, невозмутимый, а тут был похож на щенка, которого ткнули носом в лужу.

– Я готов ответить по закону, я никуда не ухожу, – грустно выдохнул он. – Только дай сделать поправку в твоём спиче: я не собираюсь тискаться со своей женой.

– А что вдруг?

– Она... её больше нет.

– Она умерла?.. – так, ситуация становилась непредсказуемой – я почти была готова взять свои слова обратно.

– Она сбежала, бросила меня.

– Чего? – не могу поверить своим ушам! Лиза рассказывала, что Маша и Родион жили чуть ли не в симбиозе, а, в итоге, она просто так избавилась от него?..

– Да, Анита, так бывает, это жизнь, – важным тоном ответил мужчина.

– В смысле? К чему такой тон? – я опять начинала закипать. – Ты думаешь, ты один такой особенный, которого бросают, а я – малолетка тупая, которая ничего не сечёт в этой жизни? Знаешь, сколько мне лет Родион и какие у меня проблемы?

– Двадцать... три? – он наивно похлопал глазами.

– По-твоему, мне было четырнадцать, когда я брала интервью у твоей жены? Это было девять лет назад! – думаю, я покраснела от ярости. – Мне двадцать восемь недавно ис-

полнилось. И да, не ты один у нас разведёнка: если бы ты на меня не наехал, я бы сегодня уже в суде разводилась бы. Ещё один план, который ты мне испортил, – я выхватила розы из его рук. – В следующий раз приноси фрукты. Тайские! Драгонфрукт, манго, папайю. Цветами сыт не будешь!

Я развернулась как бы на каблуках и пошла в палату. Чувства были смешанные! Ощущение добра и заботы и одновременно чего-то грязного, что на меня пытались навесить. Поставить на место, сказать, что я ничего в этой жизни не понимаю – фу, позор! Никогда нельзя говорить человеку, что он что-то не понимает в силу возраста. А вдруг, понимает? И даже больше, чем вы думаете.

Цветы, в итоге, я бережно поставила вазу. Даже не знаю, зачем я их взяла – видимо, сказалось то, что мне давно никто не дарил цветы... Соседкам рассказала, что развожусь. Они начали спрашивать, муж это хочет меня вернуть или новый ухажёр пришёл пороги обивать. Я мрачно посмотрела на них. Больше мы эту тему не заводили.

Глава 4. Я виноват, а может, мне просто одиноко...

Я люблю вишню. И люблю всё с вишней – пироги, конфеты, мармелад. В ресторане я всегда заказываю брауни с вишней, если он есть в меню. Вишня всегда спасает, когда плохо. И, после того как я съем что-то с вишней, дела начинают идти в гору...

Моё детство прошло в Краснодаре. Тёплый край, морской воздух, уйма урожая каждый год. Меня воспитывали мама, бабушка и дед. Отец жил отдельно, неподалёку, родители рано расстались из-за его алкоголизма. Потом мама хотела с ним сойтись и забеременела снова. Так появилась моя младшая сестра. А до её рождения, в разгар девяностых, мы выживали только благодаря вишне...

Бабушка и дедушка держали пять соток, где выращивали овощи, цветы и ягоды. У них было две яблони, одно инжирное дерево, кусты смородины, малины и крыжовника, несколько грядок с картошкой, морковкой, зеленью и клубникой. Но их гордостью было три вишнёвых дерева, которые плодоносили каждый год. На этих деревьях росла крупная, почти с кулачок младенца вишня. Сладкая – до одури. Эта вишня и прокормила нас в девяностые... Когда маме задерживали зарплату месяцами, мы продавали урожай. А осо-

бенно, все любили вишню – весь район брал ягоды у нас, даже воры в законе. На эти деньги мы покупали продукты и одежду мне на весь год. Пока в школе многие донашивали то, из чего выросли, или то, что их матери наспех сшили из старых тряпок.

Поэтому вишня была в моей жизни не просто ягодой, а хранилищем благополучия. А дальше, она стала воспоминанием о доме. О тех, кого со мной уже не было рядом... Дедушка играл на аккордеоне и приучал меня к музыке с самого рождения. А когда мне исполнилось три, он стал приучать меня к труду. В этом возрасте я уже всю работал в саду: выдёргивал вредную траву вокруг клубники, обрывал зелёный лук и гордо нёс его за стол в дачном домике.

Позже я стал выступать вместе с дедушкой в местном ДК. Мне было уже семь, и я неплохо пел русские народные песни и кое-какую попсу. Тогда меня даже отдали в музыкалку на класс фортепиано. Потом в моей жизни появились театральные кружки. Педагоги считали меня алмазом, который нужно хорошо огранить. Я и сам видел, что музыка и актёрство даются мне хорошо. Мне нравилось удивлять людей, нравилось показывать себя через музыку и театр. Я столько внимания получал! И, главное, чувствовал себя на своём месте.

Дома меня всегда поддерживали. Все были ко мне добры, зло я видел только со стороны отца-алкоголика. Он, бывало, ломился к нам в квартиру и требовал меня. «Родя, Родька!» – всегда кричал он в пьяном угаре. Поэтому никто никогда

не зовёт меня сокращённо. Я всем сказал: для всех я Родион, и точка. Не хочу вспоминать отца.

Сейчас, когда я попал в череду неудач, я заедал всё вишней. Вчера – вишнёвым мармеладом, сегодня – конфетами с вишнёвым вареньем. Я вышел от Аниты и съел одну. Меня трясло. И я не мог понять, почему: то ли со мной всегда разговаривали хорошо, и я отвык от плохого обращения, то ли я просто переживал о предстоящем разводе. Или от того, что мне попался человек с похожей ситуацией, и я понял, что не один в своей беде...

Я рефлекторно проверил мессенджеры и соцсети. Ни одной весточки от Маши. Я всё ещё в чёрных списках. Ну, что я сделал не так?..

К сожалению, в моей жизни совсем не было настоящих верных друзей. Я со всеми ними расстался, как только начал встречаться с Машей. Да, я был слишком погружён в неё: тонкая, стройная, заводная красотка с внешностью модели. Редко можно встретить настолько красивую певицу. И я её встретил, поэтому цеплялся за неё как ненормальный, а она – за меня. И мы никого не хотели пускать в наше маленькое уютное гнездо. Сейчас я смотрю на всё это и понимаю, как ошибался...

Маша ненавидела Аниту из-за статьи, которую маленькая журналистка написала про неё. Я читал статью, но так и не понял, почему Маша взелась. Она вообще часто въедалась

за какую-то ерунду, и остановить её потом было сложно...

– Да что эта малолетка о себе возомнила? – цедила Маша, тыча мне в лицо газетой с этой злосчастной статьёй. – Я что, бездарность, Родион? Я с семи лет не вылазила из музыкалок, потом – колледж, затем четыре года в консерве и работа в одном из лучших оперных страны! Да я лучшая была среди сопрано! Я всю жизнь херачу как лошадь, а мне тут малолетки пишут такую дичь! Ну, я не права что ли?

– Слушай, да не переживай ты, – я обнял жену за талию и притянул к себе. – Ты самая красивая, самая талантливая, твой голос – самый лучший! А эта девочка... ну, пусть она пишет.

– Защищаешь её? Хочешь её что ли? – Маша попыталась вырваться из моих объятий, но я её удержал.

– Да ты что говоришь такое, Машка! Она же маленькая, меня такие не интересуют, – я ласково щёлкнул её по носу. Иногда лучший способ успокоить женщину – это разрядить обстановку.

– Она, кстати, кое-что мерзкое сказала и о твоей игре.

– И чем же я ей не угодил? – я не слушала и не читал негативные отзывы зрителей о себе. Хотелось верить, что я делаю всё хорошо. Поэтому я и ценил поклонниц: они всегда говорили то, что я хотел услышать.

– Ну, например, она сказала, что ты слишком переигрываешь в мюзикле Сондхайма.

– Ты что, Волк – одна из моих самых любимых ролей!

– А ещё ты так себе Грей...

– Я?! – я, наверное, покраснел как рак. – Да меня сам Дунаевский отметил!

– Ну, вот. Я считаю тебя самым идеальным, ты работаешь хорошо! Ты – уровень Москвы, а не нашего города, – Маша обняла меня и сексуально выгнулась назад. – А ещё, трахаться ты классно.

– Слушай, может, я ей просто нравлюсь, поэтому она меня критикует? – я всерьёз задумался о том, что негатив от человека может означать либо симпатию, либо слабоумие. Маленькая журналистка вряд ли была глупой.

– Тогда мне точно стоит её ненавидеть, – заключила Маша и потянула меня в постель.

А потом я сделал то, за что мне было стыдно до сих пор: подкатил к этой девочке. Восемнадцать или девятнадцать ей было – не знаю, что на меня нашло. Наверное, ярость за её критику. А ещё я глянул её профиль в соцсетях. Выглядела она симпатично: светловолосая, утончённая, юная. Наверное, у нас что-то получилось бы, будь я её возраста. Но я любил Машу. Из смеси обожания и ярости, я написал Аните абсолютную пошлятину. Она вежливо меня послала. Надеюсь, она это не помнит, иначе позор мне!

Из воспоминаний меня вытащило неожиданное сообщение:

«Род, твою Машу возьмут в оперный, будет с нового сезона Царицу Ночи петь, это она в вк сейчас выложила», –

написала Алёна.

Я чуть не разбил телефон о ступени. И наверняка бы сделал это, если бы не сообщение от Лары – поклонницы, которая ведёт мои группы в соцсетях.

«Привет, Родион! Подскажи своё расписание на следующую неделю. Девочки спрашивают, хотят билеты на тебя покупать», – написала она.

Поклонницы меня успокаивают. С ними можно пообщаться, поулыбаться, с красивыми девчонками – пофлиртовать. Но в близкие отношения – никогда! Я не могу переходить эту грань, поклонницы это знают. И знают, что я женат на самой красивой в своей жизни певице. В общем, я им безумно благодарен за внимание и уважение к моим границам.

– Мужчина, вам сколько драгонфрукта взвесить? – спрашивает меня продавец в магазине тайских фруктов.

– Кило драгонфрукта, кило манго и столько же папайи, – бросил я. Да, я иду завтра к Аните. Я виноват, а может, мне просто одиноко...

«Ты в курсе, что Маша и Родион расстались?», – настрочила я Лизе сообщение.

«Да, не успела тебе рассказать», – ответила подруга.

«Я что, в параллельной реальности? Мы с Тamarой ходим парой, мы с Тamarой – санитары – это же про них».

«Мы сами все в шоке... А он приходил, да?».

«Я думала, я его убью...».

«Да не переживай, выплатит тебе компенсацию, и ты его больше не увидишь. Только теперь на сцене».

Я недовольно поморщилась. Почему мне не нравятся Лизины слова? Что-то в них есть такое колкое, как будто... как будто я против них. У Родиона вполне добрый и мягкий взгляд, не острый, как у моего Мира... Да, ну, что за бред! Он же меня изувечил! Я не могу к нему относиться хорошо.

Я перевернулась на бок и попыталась уйти в ночь. Луна сегодня была очень яркая. Как будто благословляла на что-то запретное.

Этой ночью мне снился Родион. Будто бы я подхожу к нему вплотную, расстёгиваю ремень, при этом ловя его одобрительно хищный взгляд, встаю на колени и спускаю с него джинсы. Дальше не помню – и слава Богу. А на следующий день ко мне опять зашла дежурная медсестра с тем же объявлением:

– Светлова, к вам пришёл какой-то мужчина.

Глава 5. Ещё фруктов?

– Здравсьте, забор покрасьте! – язвительно поприветствовала меня Анита и сложила руки на груди. Вчера она была в сорочке и тонком халате, без лифчика. Я всегда замечаю такие вещи. А сегодня она в штанах и майке. Слава богу, в лифчике, иначе мысли увели бы меня в другую сторону. – Чё пришёл?

– Здравствуй, Анита, – поздоровался я. – Есть разговор.

– Не, не, с тобой мы только в суде теперь встретимся, Родион, – она насупилась, но почему-то не уходила.

– Блин, да что ж ты такая несговорчивая? Я пришёл к тебе с миром, а ты меня вечно посылаешь... Мне очень жаль. Я извинился. Что мне сделать? Встать на колени?

– Не нужны мне твои колени, – девушка покраснела.

– Хорошо, давай пройдемся просто. У меня кое-что есть для тебя, – я показал пакет с тайскими фруктами. – Купил, что ты сказала. Но надо кое-что обсудить.

От фруктов глаза Аниты загорелись. Вот так всё было просто?

– Ладно, пошли, до ужина ещё долго, а ходить я вроде могу. Но ты мне всё равно помоги.

– Конечно.

Она ходила неплохо для человека с ушибом бедра, но всё же я помог ей спуститься с лестницы. Анита осторожно опёр-

лась о мою руку и стала спускаться. Странно, вроде лето, а руки у неё холодные. И очень маленькие, не как у взрослой женщины.

Мы молча спустились во двор больницы. Сегодня был классический июньский день – тепло и свежо. Солнце держалось ещё высоко, небо бороздили перистые облака, цвели бархатцы в клумбах, летали белые бабочки и изумрудные майские жуки. Мы сели на первую скамейку во дворе. Вокруг гуляли пациенты с их посетителями.

Лицо маленькой журналистки было спокойным как озёрная гладь в безветренную погоду. Она смотрела куда-то вдаль и избегала моего взгляда.

– В моей жизни сейчас творится дурдом, я часто стал тупить, – сообщил я. – Поэтому сейчас скажу тебе то, что должен был сказать раньше: я тебе всё оплачу. Такси, невролога, моральную компенсацию. Только скажи, сколько. Через суд мы будем долго всё решать, а так я дам тебе денег, и мы мирно разойдёмся. Идёт?

Анита посмотрела на меня как-то потерянно. Я впервые видел её такой. Куда пропал весь пыл? О чём она думает сейчас?

– Я не знаю, посмотрим, – ответила она.

– В смысле? Как это посмотрим?

– Родион, что ты от меня хочешь? Ты приходишь и давишь на меня, подкупаешь фруктами. Мне надо подумать, – она ненавязчиво смахнула прядь с лица, обнажив шею.

– Так, ты же сама попросила фрукты! – я начинал вскипать. Я не понимал, что этой девушке от меня надо. Даже с Машей таких проблем никогда не было, а она тот ещё абьюзер!

– У меня диссонанс от тебя, Родион, отстань, а.

– Ужас, какая ты странная! – фыркнул я и в упор посмотрел на Аниту. – Подожди, какой диссонанс ещё?

– Ну, я тебя привыкла на сцене видеть. Ты такой обаятельный, такой весь в образе – Грей, Пётр Первый, Мистер Икс – кого ты там ещё играешь? А теперь ты прямо передо мной, весь такой... человечный, не гляцевый. Я немного... потеряна, что ли.

Вот тебе раз! Причём тут это? Я ей про фрукты, она мне про театр. Хотя, может, это отличный повод вставить свои пять копеек?

– Тебе же не нравится моё творчество, – заявил я. – И в «Чем дальше в лес» я плохо играю, и Грей я не такой, и – что там ещё?

– Машка меня сдала? – Анита хихикнула. – Я твоё самолюбие задела, Родион? Серьёзно? А ты не задел моё самолюбие, когда написал то сообщение? Помнишь?

И тут я был готов провалиться сквозь землю. Наверное, я очень густо покраснел. И мне впервые нечего было сказать своему собеседнику. А у Аниты ноздри раздувались. Либо она утрирует, либо это реально её задевает.

– Боже, ты помнишь... – только и произнёс я.

– Конечно, я вроде не сильно головой ударилась! Ты дурак. Тебя поэтому Маша и бросила.

А вот это уже слишком!

– Тебя, может, по этой же причине бросили, – я стиснул зубы, чтобы не заорать на неё. Невыносимая хабалка. Как такая, как она, может любить театр? У меня теперь тоже диссонанс.

Анита ничего не сказала. Отвернулась и замолчала.

Я, чтобы не взорваться, распаковал половинки драгонфрукта, достал пластиковые приборы и резко запустил ложечку в белую мякоть. Попробовал. Никогда в жизни не ел тайские фрукты. На вкус как земляника.

Вторую половинку драгонфрукта я положил к руке Аниты и воткнул чистую ложку в мякоть. Затем достал заранее купленную бутылку воды и тоже поставил рядом.

Маленькая журналистка всё ещё не поворачивалась. Я дал ей время и ничего не делал. Ел эти вкусные фрукты и залипал в телефоне, проверяя, не убрала ли Маша меня из чёрного списка. Не убрала.

Через минут пять-семь Анита развернулась, судорожно схватила фрукт и начала есть. Лицо она опустила как можно ниже к еде, волосы полностью закрывали его.

Тогда я сделал кое-что, за что мог огрести от девчонки по полной: рукой аккуратно приподнял её подбородок кверху. Она не ожидала, поэтому не сразу одёрнула голову. Я увидел, что лицо её распухло от слёз. Аниту как будто покусали

пчёлы. Чёрт, запрещённый приём... слёзы.

– Отвали, – прошептала она, опустив голову.

Ненавижу, когда женщины режут. Это отсылает меня на тридцать лет назад, когда мама рыдала из-за папы. И на двадцать лет назад – когда моя сестра Любаша рыдала из-за школьных хулиганов. Меня как током прошибает. Я сразу становлюсь и злым, и виноватым, и нежным одновременно. Ненавижу такую кучу непонятных эмоций! Начинаю чувствовать себя уязвимым.

– Не плачь, пожалуйста, – пробубнил я и слегка коснулся кисти Аниты. Она не убрала руку. – Я понимаю, что на тебя много всего свалилось, и я тоже к этому причастен, но...

– Творческий человек, а чувства не признаёшь, – бросила Анита.

– Да нет, ты что...

– А что «но»? «Но ты не плачь», получается? А тебе самому как сейчас? Когда тебя бросают, когда сердце вдребезги? Когда воздуха глотнуть нормально не можешь? Что, есть тут «но» или нет? Не бывает «но», когда речь идёт о чувствах, Родион. Кто, как не ты, должен это понимать?

Меня шандарахнуло. Наверное, она права. Я проживаю на сцене всё дерьмо. Хотя несколько дней назад я и плохо играл Петра, как мне показалось, но зал аплодировал на сцене, где Пётр умирал. По мне, это одна из мощных сцен, её тяжело прожить без должного внутреннего наполнения.

В жизни проживать горе тяжелее. А ситуация с Машей –

это горе. Хочется замкнуться, спрятаться под одеяло и не вылезать навстречу самым безумным чувствам. Но чем дальше я бегу, тем тягостнее становится моя жизнь. Вот даже сейчас я не готов себе признаться, что истощён морально и физически. Что мне просто нужно плюхнуться в кровать и проспаться целые сутки.

– Если бы можно было выпить, хоть чуть-чуть, но я не могу из-за таблеток, – взвыла Анита.

– А что тебя может развеселить сейчас? – спросил я.

Она посмотрела на меня. Её глаза игриво заблестели.

– Ещё фруктов?

– Конечно, – я достал всё что есть. И, конечно же, я только сейчас узнал, что косточка у манго плоская и длинная. Неправильно его разделал и запачкал все руки и белую футболку. Зато рассмешил девчонку.

Мы разговорились. В основном, на тему театра. Анита пожаловалась, что ей не хватает спектаклей о молодёжи, а я рассказал ей про новую постановку – «Служебный роман».

– Вы бы ещё «Любовь и голуби» поставили, – хохотнула она. – А ты растёшь, аж роль Самохвалова тебе дали.

– Ага, уже оглядываешься назад и понимаешь, что молодых принцев играть будешь всё реже, – я впервые позволил себе потянуться при ней. – А хочешь кофе из автомата? Хочется кофе, но кофейни в больнице нет.

– Ну, давай, – маленькая журналистка широко улыбнулась.

Я взял девушке капучино, а себе эспрессо. Дальше я рассказал ей, как актёры репетируют партии дома и соседи уже понимающе кивают на это всё. Как нужно отдыхать и восстанавливаться после сложного спектакля. Да, я иногда молчу и пью чай с мёдом. Мёд я, кстати, беру только на ярмарках, в магазине продают дерьмо. Рассказал, как кто-то легко может закрутить роман с партнёром, а кто-то – отлично разделяет работу и реальную жизнь. Как в отпуске мы все закидываем ноги в потолок и совсем не поём целый месяц. Смотрим сериалы, едим мороженое и бегаем голыми ногами по траве. Уж я-то особенно, на даче в Краснодаре – каждый отпуск езжу туда.

Анита слушала меня с такими большими глазами и лучезарной улыбкой, что мне показалось, что на меня светит второе солнце. Всё же у меня слабость на красивых женщин, а Анита – симпатичная. И совсем не злая, как была в начале.

Пару раз я заметил, что её взгляд скользнул по моему торсу. Ласково усмехнулся. А она, наверное, это увидела, стянула губы в нитку и отвернулась.

– Твой муж совсем не хочет тебя возвращать? – да, я конкретно осмелел.

– Нет, – просто ответила Анита. – Мирослав – он такой... суховатый. Он понимает, почему мы расходимся, и не пытается воскрешать то, что уже мертво. А зачем спрашиваешь?

– Да я просто... Знаешь, просто интересно, почему люди расходятся.

– Потому что это жизнь и так бывает – ты всё правильно в прошлый раз сказал, – её лицо вдруг тронула загадочная улыбка. – Может, реально мне принять твоё предложение про компенсацию без суда? Только она будет особенной.

– Особенной? – боже, странные женщины меня пугают, но и завораживают.

– Исполнишь три моих желания.

– Чего? Я? – я рассмеялся. – Девушка, вы опасны!

– Ушиб мягких тканей бедра и сотрясение требует значительных мер.

– Хорошо, как скажешь. Это даже интересно будет.

Анита игриво посмотрела на меня, затем опустила глаза и снова посмотрела на меня, но уже из-под ресниц, и подавила милую улыбку. Ещё один запрещённый приём – ну, зачем так делать? Это слишком откровенный флирт.

Я шёл от девчонки с улыбкой. У меня немного улучшилось настроение. Ситуация с женой всё же отнимала силы. Она фоном висела, не решённая, и сосала энергию. Её нужно срочно разруливать!

«Род, есть заказ на концерт от одной компании на 29-е», – написала Алёна.

Алёна в театре появилась чуть позже меня. Высокая, со стройными ногами и красивым лицом, сопрано – в общем, типичная героиня. Чуть меня старше. По красоте, наверное, могла бы соревноваться с Машей. Сколько мы с Лёлей спектаклей сыграли и времени вместе провели – сосчитать слож-

но. Если бы не Маша, я бы закрутил с ней роман. Но сейчас Лёля была занята: вышла замуж за какого-то предпринимателя, да и мы настолько притёрлись, что я стал её как родную воспринимать. Ещё Лёля была дружна с Машей, так что это единственная нитка к жене.

«Прямо в мой др... да ещё мне на следующий день ехать блок «Монте-Кристо» в столицу играть... Ну, ладно. Что хоть петь надо?».

«Киркоров, Шуфутинский, романсы там кое-какие. Короче, разучим!».

«Окей...».

«Ты где вообще шляешься? У меня есть для тебя новости о твоей благоверной. Уже даже не знаю, называть ли её своей подругой – тебя жалко...».

«Тааааак, выкладывай!».

«Придёшь – покажу. Странно, что она тебе лично не написала... А, ещё Генка с больничного вышел. Будешь с ним играть «Собаку на сене» на днях».

«Если ты будешь в роли графини, я хоть с гнилым пнём готов играть», – я ко всем своим коллегам лояльно относился, но Гена жутко раздражал. Собой ничего не представлял, а изображал хрен пойми кого.

«АХАХАХА, почему ты не мой муж?.. Я шучу. Короче, приходи».

«Уже мчу! Передай Машке, что я теперь тоже не один».

«Таааак, Род, мне теперь с тобой не флиртовать что ли?».

«Всё в порядке, просто напиши ей об этом», – не знаю, зачем я это сказал. Я совсем не имел в виду Аниту – она мне никто. Просто хотел позлить бывшую. Я же могу её теперь так называть?

Мир злостно вперил руки в кожаный руль Бэнтли. Он решил приехать пораньше назначенного времени к почти бывшей жене. И не зря: он видел её с другим, с этим засраным мужиком из театра, который сбил её на самокате. Они смеялись как кони и жрали какую-то цветную хрень. Вели себя так, будто были одни в этом дворе.

У Мира засвербело в носу. Да, это он предложил развестись. И что? Может, это вообще всё зря было. Хорошо, что непредвиденная авария отсрочила важное решение. Он, кажется, передумал... Да и любовница ведёт себя как тупая малолетка – достала! Хоть бы Анита про неё не узнала...

Завтра Мир собирался привезти жене Севу. Нужно будет сохранять хорошее лицо и проявлять много заботы, чтобы снова произвести впечатление. Эта та женщина, с которой он хотел остаться. А его любовница, Вилена... деревня, да ещё и младше его намного.

«Не переживай, Аниточка, я тебя верну,» – пообещал себе Мир. Он вышел из машины, когда тот мужик ушёл.

И что у неё со вкусом? На несвежа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.